

Сказки Константина Дмитриевича Ушинского. Ручей

Много я слышал уже о журчащих ручьях, но никто мне еще не говорил, что такое они журчат. Вот светлый источник, пробивающийся из-под большого камня; усядусь-ка возле него и послушаю, что такое он болтает. Бесчисленные маленькие волны, перегоняя друг друга и журча, пробиваются между камнями и песком, подымая и крутя его белые зернышки.

— Послушайте-ка, вы, маленькие резвые волны, расскажите мне: зачем вы так торопитесь, куда и откуда бежите, почему так суетливо толкаете друг друга?

— О! — залепетали волны. — Нас много, и очень много: там, в горе, нас еще столько, что и счесть невозможно; мы все хотим выйти на божий свет, а ворота узки; вот почему мы так толкаем друг друга, как школьники, когда учитель скажет им: класс кончен!

— Где же вы были до сих пор и что вы делали? Не сидели ли вы в горе с того самого дня, как голубь принес Ною масличную ветвь[7], как знак, что воды снова скрылись в землю.

– О нет, нет, нет! – залепетали волны, перебивая друг друга, и каждая из них так спешила рассказать свою историю, что я не мог разобрать ни слова.

Я наклонился к источнику, зачерпнул горсть чистой, холодной воды и, пропуская ее сквозь пальцы каплю за каплей, выслушивал их поодиночке. Какие дивные историйки они порассказали мне!

– Мы, – сказали мне две капли, – были снежинками в прошедшую зиму и, лежа там на горе, весело сверкали на солнце, пока оно весной не растопило нас.

– Мы были двумя градинками, – залепетали другие капли, – и, увы, согрели: положили на землю тяжелый колос.

– А мы были двумя росинками и напоили жаждущий ландыш, – сказали две новые капли.

– Мы носили корабли на море; мы утолили жажду жаждущего и спасли ему жизнь; мы вертели мельничное колесо; нас вспенивал пароход, мы были сладким соком в вишнях, мы – вкусным вином, мы – лекарством, мы – ядом, мы – молоком... – звенели одна за другой прозрачные капли, скатываясь, как перлы[8], с моих пальцев.

Одна светлая капелька повисла у меня на пальце.

– Я была когда-то слезою, – прошептала она.

– Я – каплею пота, – сказала вслед за ней другая, падая на землю.

– А я уже была в твоём сердце, – прозвенела третья, – была теплой капелькой крови, а потом, когда тыдохнул, я вылетела паром и понеслась к облакам.

Я видел, что этим историям конца не будет, и стряхнул обратно в реку остальные капли, не слушая их болтовни.

Мне хотелось пристыдить хвастливый ручей, и я сказал ему:

– Расскажи-ка лучше, что ты видел нового в своей горе?

«Чему там быть новому? – думал я про себя. – Камни лежат неподвижно от создания мира и будут лежать там вечно, разве человек выкопает их и построит из них дома». Но как же я удивился, когда ручей стал мне говорить самые диковинные вещи.

– Каждая капелька, – говорит он, – побывши дождем или снегом, градом или росой, проникает в землю и работает в ней изо всех сил, не хуже ваших рудокопов: роет для себя самые затейливые ходы и переходы. Если тебе в детстве рассказывали сказки о подземных горных духах и карлах, которые будто бы живут внутри гор и охраняют там металлы и камни, прилежно работая над ними день и ночь, то знай, что эти карлы и духи – мы, маленькие капли воды. Мы кажемся тебе малы и бессильны; но ты видишь, как нас много, и, верно, слышал, что капля, падая за каплей, пробивает и твердый камень. Пробегая между каменными слоями гор, каждая из нас уносит не приметную для твоих глаз частичку той или другой каменной породы. Скоро тяжелая ноша становится не под силу маленькой капле, и она оставляет свой кусочек камня или металла где-нибудь совсем в другом месте. Так строим мы из извести и гипса блестящие красивые кристаллы. Так же мы заносим с собой то красный кусочек железной охры, то зеленый и голубой кусочек медного купороса и раскрашиваем ими другие камни. Иногда доберутся капли воды внутри горы до большой, просторной пещеры... О, да и пещеру-то эту сделали мы же! Она прежде вся была набита солью; но миллионы водяных капель выпили эту соль и унесли ее куда-нибудь в другое место, может быть, в море, где вода, как ты знаешь, такая соленая. В такой пещере нам привольно работать: звучно падаем мы с потолка и, оставляя на нем приносимые нами кусочки камня, строим самые диковинные вещи, похожие на ваши церкви и башни. Ты видел, вероятно, как зимою, растаивая на солнышке и стекая с крыши, превращаемся мы от холода в длинные прозрачные сосульки. Наша подземная работа немножко похожа на эту; только там мы работаем сосульки не из воды, а из извести (сталактиты); сами же уходим дальше. На дне пещер собираются капли в подземные

озера; потом выбегают оттуда в расселины скал и прыгают шумными водопадами со скалы на скалу. К нам прибегает иногда напиться горная саламандра, небольшое длинненькое животное, бледное и слепое; вам скучно в этих пещерах без солнца, а оно боится, как смерти, солнечных лучей. Если на дороге попадается на горе кусок дерева, мы начнем хлопотать изо всех сил: каждую клеточку наполним кремнем или известкой, древесину же разломаем и унесем прочь — словом, сделаем то, что вы называете окаменелым деревом, но называете совершенно несправедливо, потому что там дерева нет ни крошки, а все один чистый камень: от дерева осталась одна только форма. И сколько нам было хлопот, чтобы выделать из камня каждую жилку, каждую ячейку!

В это самое время набежала новая волна и начала мне рассказывать другую историю: она говорила, как водяные капли мало-помалу подрывали целую гору в Швейцарии, так что она со всеми своими тяжелыми камнями, с землею, покрывавшей эти камни, и с деревьями, которые росли на земле, рухнула в долину и засыпала четыре деревни с людьми и животными. Но я прервал печальный рассказ и сказал волнам, что не люблю слушать о делах разрушений и гибели.

— Расскажи-ка мне лучше, — спросил я снова у ручья, — что-нибудь другое. Если твои капли внутри горы так много едят и пьют, так много разрушают и строят, то нет сомнения, что и твоя светлая вода, сквозь которую я так ясно вижу и маленький камешек, и крошечную блестящую рыбку, совсем не так чиста, как кажется с виду?

— Легко, очень легко может случиться, — отвечал ручей, — что тот или другой из моих маленьких работников унес с собою то тот, то другой материал.

— Но какие же материалы, куда и зачем несут твои хлопотливые работники? — спросил я у ручья.

— Мы несем известку, — отвечали одни капельки, — нас уже давно

ждут миллионы маленьких морских животных: улиток, полипов, морских звезд, которым нужно строить себе жилище, и крепкие кораллы, а для кораллов нужно много известки, потому что из кораллов делаются целые острова в океане.

— Мы несем кремнезём, — пролепетали другие капли, — множество инфузорий и растений ждут нас давно; даже травка на берегу и та просит, чтобы мы дали ей частичку.

— Мы несем воздух в маленьких незаметных пузырьках, — звенели новые капли, — воздух, без которого не могли бы дышать в воде ни рыбки, ни другие водяные животные.

— Мы несем угольную кислоту, чтобы напоить ею корешки незабудки, мы — гипс; мы — железо; мы — фарфор; мы — множество соли, которая нужна бесчисленным растениям, животным и даже вам, людям. Не вы ли приходите лечиться к нам и рады-радехоньки, когда почувствуете, что в нас есть или сера, или железо, или какой-нибудь другой минерал, который вам помогает в болезнях? Тогда вы величаете нас минеральными ключами, целебными источниками, а иногда и теплыми ключами, если мы выходим к вам, нагревшись прежде у подземного огня. Вы тогда ухаживаете за нами, вычищаете от сору, устраиваете для нас красивые бассейны, строите возле нас богатые дома, ванны, гостиницы, целые города! Неужели ты ничего не слыхал о Баден-Бадене, Эмсе, Пятигорске, Кисловодске или других каких-нибудь местах, прославленных нашими целебными источниками?

— О, не думай, что мы ничего не делаем, — зажурчали все капли вместе. — Напротив, мы никогда не знаем покоя и трудолюбивее муравьев, которые вечно строят свое жилище, вечно суетятся, бегают и таскают кусочки соломы втрое больше себя. Нароботавшись вволю и в облаках, и в траве, и в листьях, которые мы так освежаем, напоив растения, животных и людей, мы спешим в ручей, а по дороге вертим мельничные колеса и носим лодки, из ручья бежим в реку, из рек в широкое безбрежное море; тут-то, кажется, можно нам было отдохнуть и успокоиться, но лучи солнышка пригреют нас и превратят в легкий туман.

Поднявшись высоко, мы станем облаками и понесемся по небу, пока не найдем места, где снова ожидает нас работа. Мы работаем без усталости и не скучаем: нам весело, что мы принимаем такое деятельное участие в божьем мире и пойм неисчислимые миллионы растений, животных и людей.

     (Голосов: 2. Рейтинг: **3,50** из 5)

 Загрузка...